
*Посвящается Красавчику.
За его сильные руки,
его верное сердце
и его бесконечное мужество*

ГЛАВА 1. ФЭРЕЙН

Боль прокатывается по моему телу через неравные промежутки времени, словно отзвуки мощного землетрясения.

Я, разумеется, к боли привыкла. Существенную часть своей жизни я провела, пытаясь с ней бороться. А агония моей недавней смерти и воскрешения была куда как ужаснее, чем эти мелкие судороги. Но это другое. Это невыразимый дискомфорт, который испытывает дух, сбежавший из оков смертного тела лишь затем, чтобы вновь угодить в плен. Он протестует против заключения, бьется обо все стены, пытается улизнуть.

Я закрываю глаза, глубоко дыша, пока очередная волна накатывает на тело и душу. С этим ничего не поделать, от этого никак не спастись. Мне нужно просто терпеть. Но по крайней мере я могу откинуть голову на широкую грудь и плечо у меня за спиной, ухватиться за биение чужого сердца. Сердца, которое теперь бьется в такт с моим.

Рука Фора крепко держит меня за талию, пока он ведет своего морлета вниз через зияющий провал в скалах. Он не сказал ни слова с тех пор, как мы по-

кинули тот уединенный пруд у подножия горы. Однако же его молчание приятно, а слова, что он сказал, пока держал меня в своих объятиях на краю того пруда, все еще эхом звучат в моем сердце.

«Ты моя, Фэрейн. Моя королева. Суверенная правительница Мифанара и Подземного Королевства с этого дня и на веки вечные».

Я дышу, переживая очередную волну боли. Голова пуста и кружится, пока мы спускаемся через изгибающиеся каверны назад, в широкие темные просторы подземного мира. Сердце колет сожалением оттого, что мы оставляем позади далекие сияющие звезды. Небо — это сущий ужас для того мужчины, что теперь стал мне мужем, но для меня было облегчением не чувствовать над головой веса камня, пусть и совсем недолго.

По правде говоря, мне не место в мире Фора. А ведь принять сердце Короля Теней — значит принять и его мир как мой собственный. Готова ли я? Хватит ли у меня сил?

Я отдала свою смерть в отчаянной попытке спасти этот народ от уничтожения.

Хватит ли мне смелости отдать и жизнь тоже?

Желудок сжимается, когда Фор пришпоривает своего морлета и мы камнем падаем вниз, в Подземное Королевство. Кристаллы лорста вспыхивают, пронзая мои опущенные веки своим нарастающим сиянием. Начинается мерцание — трольдский эквивалент дня. Каким же покажется город внизу в свете миллиона сияющих кристаллов? Город, охваченный ужасом и насильем. Город, оказавшийся на грани катастрофы.

Рука Фора обхватывает меня крепче. Я внезапно хмурюсь. Пусть я и скачу, так тесно прижавшись

к нему, но я его не чувствую. Я ощущаю напряжение его мышц, частоту дыхания возле моего уха, быстрое биение сердца. Но не эмоции. Там, где раньше были все его чувства, столь доступные моему восприятию, теперь образовалась пустота. Так точно быть не должно. Я устала после своих испытаний, меня отвлекает боль. Только и всего. Потянувшись к нему, я ищу связь, которую способна устанавливать практически с каждым живым существом с того самого дня, как мой божественный дар обрушился на меня, сделав полностью открытой для восприятия чужих эмоций.

Но ничего нет. Я его не чувствую. Ни бурлящего духа, ни тихой пульсации звука, ни его сути. Ничего.

Почти неосознанно я выпускаю клок гривы морлета, за который держалась, и тянусь рукой к своему кулону. Когда мои пальцы находят тонкую цепочку и камень, он не гудит в ответ на мое прикосновение. Я поднимаю его и поворачиваю так, чтобы на него упал свет сияющего лорста. В его центре — тьма. Я моргаю, вглядываюсь вновь, уверенная, что мне это мерещится. Быть может, мигающие огни обманывают мои глаза. Но мой дух тоже чувствует эту тьму. Эту пустоту там, где должна быть жизнь.

Что-то во мне изменилось. Что-то важное. Что-то... не знаю толком что.

Морлет фыркает, выдувая из ноздрей облачко серы, когда мы вылетаем из спиральной тьмы в огромную каверну Мифанара. Я ахаю, выпускаю свой кристалл и смотрю на раскинувшуюся внизу панораму. Я еще не видела город с этого угла. Я думала, что он огромен, когда проезжала по его улицам или пролетала на спине морлета над его заостренными блестящими крышами. Но было попросту невозможно вообразить полный

масштаб, отвесные высоты его перекрученных башен, бездонные глубины его извилистых улиц, мерцающие кристаллы, затянутые дымкой водопады, парящие мосты и тракты. И все это примостилось на краю пропасти над пылающей рекой лавы. Мое сердце начинает биться чаще от этого зрелища, от дива и красоты, растилающихся передо мной. Трудно представить себе, что столь древнему, мощному городу вообще может грозить уничтожение. Да что способно сокрушить подобное величие?

Дракон.

Это слово звучит на задворках моего сознания выдохом, шепотом, предупреждением. Я не вполне уверена в том, где его услышала, кто его произнес. Эта мысль просто сидит в голове, а вместе с ней — ощущение жара и глубокого, бурлящего колодца чистой небесной ярости.

— Ты в порядке, Фэрейн?

Голос Фора согревает мне ухо, пускает вниз по позвоночнику волну мурашек. Я закрываю глаза, прилоняюсь к нему, вновь пытаюсь отыскать тепло его эмоций, в которые могла бы закутаться. И вновь ничего не нахожу. Но должно ведь этому быть объяснение. Мой божественный дар был просто затоплен недавним и столь мощным излиянием моей силы. Мне всего лишь нужно отдохнуть и восстановиться. А я тем временем должна бы радоваться передышке.

— Я в порядке, — бормочу я, поворачиваясь так, чтобы пристроиться у Фора под подбородком. — Я устала. Только и всего.

Слышит ли он ложь в моем голосе? Возможно. Но он не пытается ее раскрыть, а просто целует меня в макушку и говорит:

— Ну разумеется. Ты перенесла тяжкое испытание. Я отвезу тебя напрямиком в твою комнату и пришлю кого-нибудь из слуг.

Не нужны мне слуги. Мне нужен он. Только он. Мне хочется снова ощутить покой его присутствия, который когда-то так поразил мои благословенные даром чувства. А если этого нельзя, то мне сгодятся и сила его рук, тепло его голоса, биение его сердца.

Но Фор — король Мифанара. Пусть он и покинул свой город в безумной попытке спасти меня, его народ все равно в нем нуждается.

Так что я не раскрываю ни рта, ни глаз, отгораживаясь разом от вида этого города и от отсутствия моего божественного дара. Мощный зверь подо мной плывет по воздуху, спускаясь в каверну, нарезает круги, приближаясь к дворцовым башням. Наконец он приземляется на перила балкона, прилегающего к моим покоям.

— Мы прибыли, — нежно говорит Фор.

Перед мысленным взором на миг встает воспоминание — совсем свежее воспоминание о том, как мы были здесь в последний раз. Когда Фор привез меня на своем морлете обратно из города, намереваясь доставить в мои покои. Намереваясь больше никогда меня не видеть. Но я убедила его остаться. Убедила его поддаться жгучему желанию, которое нагнетало между нами столь опасное давление, в итоге взорвавшееся пламенем безудержной страсти.

Даже теперь при мысли об этом между бедрами собирается жар. Этот мужчина, прижимающий меня сейчас к своей мощной груди, пробудил во мне столь странные новые ощущения. Его руки, губы, зубы и язык словно придали мне форму, вылепили меня за-

ново. Мне бы очень хотелось вновь испытать подобное удовольствие под его руководством.

Фор спешивается, прежде чем поднять руки и спустить меня с седла. Я не думаю, что ноги меня удержат, поэтому висну у него на шее, позволяя ему тесно прижать меня к себе. Балконная дверь, ведущая в мою комнату, распахнута настежь, и Фор вносит меня внутрь. Вся мебель съехала со своих мест, украшения и безделушки попадали. Несколько кусков сталактитов обвалилось с потолка, один зазубренный осколок пробил маленький столик, на котором прежде стояли серебряный кувшин и чаши. Свидетельство последнего толчка, потрясшего город перед тем, как напали пещерные дьяволы.

Все еще крепко прижимая меня к себе, Фор оглядывает комнату, прищурив глаза. Несомненно, высматривает признаки опасности.

— Все в порядке, — говорю я ему. — Вогги досюда не добрались.

— Не можешь же ты знать наверняка?

Не могу. Если бы мой божественный дар действовал, я бы могла ощутить присутствие другого живого существа. Сейчас же сколько угодно пещерных дьяволов может прятаться у меня в гардеробе, под кроватью, в дымоходе, а я об этом даже не догадаюсь.

Фор опускает меня на постель, покрытую мусором. Я смахиваю пыль и камешки на пол, пока он быстро, но тщательно обыскивает комнату. Наконец, удовлетворенный, он возвращается ко мне.

— Как ты сейчас себя чувствуешь? — спрашивает он, опускаясь передо мной на колени, чтобы наши глаза вновь оказались на одном уровне. Он берет меня за руки.

— Слабой, — признаюсь я. О приступах боли, время от времени накатывающих на меня, я Фору не говорю. Ему и так хватает переживаний.

Он поднимает руку и гладит меня по щеке, хмуря лоб.

— Думаю, это вполне объяснимо, учитывая...

— Учитывая, что каких-то два часа назад я была мертва.

По его лицу пробегает тень. Он наклоняется вперед, прижимается своим лбом к моему. От его судорожного вдоха мое сердце сжимается.

— Больше никогда так не покидай меня, Фэрейн, — шепчет он. — Больше никогда. Не уходи туда, куда я не смогу последовать за тобой.

Я улыбаюсь, чуть приподнимая кончики губ.

— Добровольно я тебя ни за что не покину. Никогда, если только у меня будет выбор.

Он делает еще один судорожный вдох, затем приподнимает свое лицо. Его губы нависают над моими, и нас разделяет невообразимо малое расстояние. Я парю, подвешенная в этом пространстве, жду, томлюсь.

Он закрывает этот просвет, его губы теплые и жадные. В момент соприкосновения что-то внутри меня возвращается к жизни, отдаленное эхо моего прежнего дара. В этом отголоске я слышу, пусть и очень тихо, его голод и отчаяние. Они текут через меня, прогоняя всю боль, когда мой собственный голод, мое собственное отчаяние поднимаются в ответ на его. Пусть мои руки еще слабы, я обвиваю ими его шею, запускаю пальцы в его волосы и притягиваю ближе. Он откликается, постепенно укладывая меня на постель. Под моей спиной песок, отколовшиеся камешки остро колют кожу,

а тело окутывает тонкое черное одеяние. Я едва замечаю все это. Я сознаю лишь свою потребность в нем, потребность углубить эту связь между нами. Я провожу руками по его плечам, шее, торсу, отыскивая все порезы и раны от последнего боя. Он пришел за мной сразу после кошмарного нападения пещерных дьяволов, сразу после того, как бился, защищая жизни своего народа перед лицом невообразимой жестокости.

И теперь он здесь, со мной. Его руки прижимаются к кровати по обе стороны от моего лица, его огромное тело расположено так, чтобы не раздавить меня, а губы накрывают мои. Его поцелуи становятся все более решительными, требовательными, словно он не может поверить, что я реальна, и ему нужны доказательства. Я и сама все еще не до конца в этом уверена, и мне нужны его прикосновения, что стали бы для меня якорем в этом мире. Я открываю рот, углубляя как поцелуй, так и нашу связь.

Сердце пронзает стрела. В голове взрывается ярко-красная вспышка.

Страх.

Ужас.

Вина.

Таковы чувства Фора. Обернутые его любовью, но оттого не менее реальные, не менее кошмарные. Они заполняют мою голову до тех пор, пока мне не начинает казаться, что у меня в черепе засело множество мелких булавочек, пытающихся выбраться наружу прямо через кость. Резко ахнув, я отстраняюсь от него.

Фор смотрит на меня сверху вниз, опираясь на кулаки, его длинные серебряные волосы рассыпались, окружая нас мягкой завесой.

— В чем дело? — спрашивает он, тяжело дыша. —
Что не так?

Я не хочу ему отвечать. Не хочу, чтобы он знал о том, что причиняет мне боль. Не хочу его отпускать. Вместо этого я морщусь, стискивая его плечо одной рукой, а второй нашаривая свой хрустальный кулон. Я обхватываю пальцами граненый камень. Он не откликается, как бы крепко я его ни сжимала.

— Фэрейн? — Голос Фора растерян, отчасти даже испуган. — Фэрейн, любовь моя. Я сделал тебе больно? — Он отстраняется, высвобождаясь из моих ослабевших рук. Он садится на край постели, повесив голову, и запускает пальцы в волосы. — Какой же я дурак! Прости меня. Я веду себя словно похотливая скотина, в то время как ты только что...

— Нет, Фор. — Мой голос дрожит. Но в тот момент, как прерывается контакт, по моему телу растекается оцепенение. Боль, причиняемая его эмоциями, исчезла так бесследно, что я даже задумываюсь, а не вообразила ли ее. Я открываю глаза, все еще стискивая кристалл, и встречаюсь с его страдальческим взглядом. — Дело не в тебе. Клянусь. Это... шок, ведь сразу столько всего...

Он наклоняется ближе, обхватывает мою щеку ладонью. Я морщусь, ожидая, что от этого прикосновения между нами снова откроется проход. Но ничего нет; оцепенение не отступает. Я вздрагиваю и опускаю глаза, не вполне понимая, как должна себя чувствовать. Пожалуй, я бы предпочла ощущать боль от его вины, чем эту пустоту.

— Ты должна отдохнуть, — говорит он, его голос тверд. — Ты должна поспать, оправиться. — Он качает головой, горестно улыбаясь. — Прости меня, любовь

моя. Я ничего не могу поделать с тем, как отчаянно хочу возместить все то время, что мы упустили.

Я касаюсь его руки, все еще лежащей на моей щеке.

— Я хочу испытать с тобой все, Фор. Хочу заполнить все те мгновения, что у нас еще остались. — Затем, взяв его ладонь, я опускаю ее на свое сердце, прижимаю к груди. — Но твой народ сейчас нуждается в тебе.

Он подается вперед, удерживая мой взгляд.

— Я не хочу оставлять тебя одну.

— Ну тогда пришли сюда Хэйл, когда найдешь ее. — Я улыбаюсь и слегка склоняю голову набок. — Со мной все будет в порядке, Фор. Клянусь тебе. После всего случившегося что теперь вообще способно меня напугать?

Его глаза изучают мое лицо, пытаюсь, возможно, пробить мой фасад спокойствия. Он медленно качает головой.

— Я боюсь, что в тот же миг, как упущу тебя из виду, ты сразу же ускользнешь от меня. Словно сон, исчезающий пред лицом жестокой реальности мира яви.

Я подношу его ладонь к своим губам, целую костяшки пальцев.

— Я не сон. И я буду здесь, буду ждать твоего возвращения. — Отталкивая его от себя, я заканчиваю твердым голосом: — Ступай. Будь тем королем, который нужен Мифанару.

Фор делает долгий вдох, собираясь с духом. Затем, обхватив мой затылок, он привлекает меня к себе, вновь завладевая моими губами. И тут же связь между нами полностью раскрывается, сокрушая оцепенение силой его чувств, пронзающих меня своими лучами.

В них все еще есть боль, страх и тревога, а также неизменная, ужасная пульсация вины. Но прямо сейчас все прочие чувства тонут в потоке чистой любви.

Я почти поддаюсь искушению ухватиться за него, притянуть к себе, забрать обратно все только что произнесенные слова и удержать его здесь, со мной. Но я этого не делаю. А когда он отрывается от меня и встает с постели, то не оглядывается. Он идет по обломкам, усеивающим мою комнату, выходит на балкон, ни разу не замедлив шаг. Как будто он знает, что одного лишь взгляда будет достаточно, чтобы сломить его решимость.

В следующий миг он садится на своего морлета и исчезает. Оставляя меня в одиночестве.

Это странное ощущение. Столь полно я его не испытывала уже очень долгое время. С тех самых пор, как пробудился мой божественный дар, а душа утонула в шквале эмоций других людей. С того самого момента я вела свое существование, постоянно находясь с кем-то в связи, добровольно или же нет. Даже когда я только прибыла в Мифанар и чувства трюльдов оказались вне моей досягаемости, я все равно осознавала, что они есть. Они все равно были на месте, гудели на краю моего восприятия.

Но это — другое. Это — пустота. Гулкая и неохватная.

В венах гудит паника. Мне хочется вскочить с этой кровати, на неверных ногах пересечь комнату, крикнуть вслед Фору, чтобы он вернулся и заключил меня в объятия. Чтобы покрывал меня поцелуями, покуда я вновь не почувствую, как пробуждается связь между нами. Лишь только слабость в руках и ногах и боль, все еще дрожащая в костях, не дают мне сойти с это-

го места. Я обеими руками сжимаю покрытые пылью одеяла и стискивая зубы. Когда какая-то доля паники отступает, я снова хватаюсь за кулон, поднимаю его на уровень глаз.

В нем эта тьма. Глубоко, в самом центре. Пятно, которого раньше там не было. Что это может означать? Мои силы угасают? Уж конечно, мой дар не покинул меня полностью, коль скоро поцелуй Фора сумел настолько его пробудить. Закусив губу, я верчу камень в руках. Было время, когда я отдала бы что угодно — что угодно, — лишь бы избавиться от этого дара, этого источника постоянной агонии. Но без него кто я такая?

«Тебя одарили боги. Наделили тебя божественными благословениями, предназначенными для достижения божественных целей».

Я хмурюсь. Чей это голос бормочет у меня в голове? Это самообман, не иначе. Та жалкая часть меня, которая всегда хотела верить, что боги, которым я служила с такой преданностью, не могли столь ужасно ошибиться, наделяя меня даром.

Боль наконец отступает, подобно тому, как прилив всегда сменяется отливом. Она, разумеется, вернется. Но пока что я могу дышать свободнее. Встав, я жду, пока комната не прекратит вращаться, затем пытаюсь сделать шаг. Кажется, ноги способны выдержать мой вес. Обновляющий пруд заживил сломанную лодыжку, а также все прочие порезы и синяки, усеивавшие тело. Я шепотом возношу быструю благодарственную молитву, а затем со слегка кружащейся головой направляюсь к окну и выбираюсь на балкон. Обеими руками сжимая каменные перила, гляжу на город. В последний раз, как я смотрела на него отсюда, ужас его

жителей поднимался черной волной и накрывал меня, разом топя и стирая в порошок. Теперь же? Ничего. Я вижу городские башни и крыши, извилистые дороги. Я вижу далекие стены каверны и многочисленные мосты, что выгибаются арками над пропастью и окружают Мифанар. Я все это вижу. Но не чувствую.

Божественные цели...

Дверь комнаты со скрежетом открывается, отодвигая обломки, валяющиеся на полу. Я разворачиваюсь на месте и хватаюсь за оконную раму. Мое сердце подскакивает в надежде, что это вернулся Фор, и вот его имя уже на моих губах. Но это Хэйл входит в мою комнату. Ее бледная кожа выглядит странно-серой, нежная плоть почти того же оттенка, что и камень доргарага, уродующий ее челюсть и часть одной щеки. Она покрыта синяками, порезами и темно-синими пятнами крови. Когда я видела ее в последний раз, она яростно защищала меня от пещерных дьяволов, охраняла подступы ко мне. Я же тем временем ползла к кругу камней, чтобы принять свой отчаянный бой.

— Хэйл! — восклицаю я.

Она тут же устремляет на меня свои глаза. Под ними залегли глубокие тени. Она всегда была яростной и жесткой, даже моему божественному дару было сложно в нее пробиться. Но здесь что-то другое. Что-то куда худшее.

— Хэйл, — вновь говорю я и делаю шаг вперед, отказываясь от опоры, которую предлагала оконная рама. Я обхватываю себя руками. — Ты в порядке? Ты была ранена в битве?

Она смотрит на меня. Открывает рот. Снова его закрывает. Затем очень тихо шепчет:

— Это и правда вы?

